

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ

АНДРЕЙ ПОСНЯКОВ

Тайна
синих озер

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П62

Художник — *Алексей Дурасов*

Посняков, Андрей Анатольевич.

П62 Тайна синих озер / Андрей Посняков. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-175857-8

1963 год. В небольшом северном городке жестоко убита молодая учительница. Подозрение падает на школьного конюха, следы которого обнаружены на месте преступления. Однако следователь Владимир Алтуфьев сомневается: у вечно пьяного контуженного фронтовика не было мотива убивать несчастную женщину. Может, это месть на почве ревности? Но у всех подозрительных ухажеров оказывается алиби. А что если кровавая расправа связана со школьным музеем, в котором работала погибшая, и где хранились архивные документы времен войны?.. Новая пролитая кровь подтверждает самые мрачные предположения молодого следователя...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-175857-8

© Посняков А.А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Пролог
ОКРЕСТНОСТИ ОЗЕРСКА,
октябрь 1943 г.

Вечерело. Низко над лесом стелились темно-синие тучи, дождь — мелкий и нудный — то переставал, то начинался вновь. Дорога давно раскисла и превратилась в грязное непроходимое месиво, сквозь которое мужественно продирался вечный труженик вермахта, грузовик «Опель Блиц» с выкрашенной в сине-серый цвет — фельдграу — кабиной и поцарапанным кузовом.

Продирался, но все-таки застрял! Застрял, завыл двигателем, но... безуспешно.

— Доннерветтер! — выругался сутулый майор в голубовато-серой шинели и выпрыгнул из кабины. Впрочем, судя по петлицам с грозными белыми рунами, это был не майор, а штурмбаннфюрер СС.

Узкое бледное лицо, ввалившиеся от усталости глаза, щетина... Не до бритья сейчас, нынче не сорок первый и даже не сорок второй — конец сорок третьего! Русские прут, как паровой каток, не дают покоя ни днем ни ночью. А ведь как все хорошо начиналось! Эх... Думали, новый сорок второй год в Москве встретить. Встретили... тьфу!

— Хельмут, Ханс!

Услышав приказ, из кузова выпрыгнули солдаты. Всего-то двое. Да больше там и не было. Был еще шофер. Про него штурманнфюрер не забыл:

— Выходите, поможете... Я сам сяду за руль.

Уселся, выжал сцепление... Вновь завыл двигатель, завертелись в грязи колеса... Застрявший в непролазной грязи грузовик толкали трое. Ну-ну!

— Так. Нарубите лапника, живо! — высунувшись из кабины, распорядился эсэсовец.

Солдаты бросились к елям. Еще пуще припустил дождь.

— Пошевеливайтесь, если не хотите заночевать в лесу, — угрюмо напутствовал их штурманнфюрер.

Проводив взглядом солдат, он вытащил из-за пазухи карту. Эта грунтовка вела из Озерска на Тянск и далее — к Петербургу. Туда было нельзя. Не доезжая Тянска, нужно повернуть к северу, там дорога к большой реке Свирь, там союзники — финны. Вообще-то до Свири есть еще одна дорога — вот прямо отсюда... Только по такой распутице не проедешь, увы...

А может, бросить к черту все эти ящики с документами и пробираться пешком? Не-ет, герр Брюкнер, о чем это вы? Тогда уж лучше было бы отсидеться в бункере, на болоте. Там и оружие, и патроны, и гранаты тоже. Однако о бункере знает агент! Связной, тот, что курирует своего человека у партизан. Прямо сказать — тот еще куратор! Юноша исполнительный, но безынициативный.

Эсэсовец неожиданно улыбнулся внезапно пришедшим в голову мыслям. Только улыбка вышла какая-то невеселая, кривая. Черт с ними, с агентами... Унтерменши... — пусть уж теперь сами как-нибудь... А вот ящики бросать никак нельзя. В них — картотека, агентурные донесения, адреса и клички связных — все! Неизвестно еще, как дальше война

сложится, а с таким ценным грузом нигде не пропадешь! Главное сейчас — выбраться.

Сплюнув, Брюкнер выбрался их кабины и сурово посмотрел на копошащихся с лапником солдат:

— Эй, скоро вы там?

— Стараемся, господин штурмбаннфюрер!

— Плохо стараетесь! А ну поднажали...

Офицер вновь уселся за руль. Завыл, заурчал двигатель...

Трое вышли на лесную опушку. Двоим — лет двадцать пять — тридцать, один — совсем еще молодой, безусый. Одеты примерно одинаково — в ватных телогрейках с военными портупьями, в сапогах. Все вооружены: пистолеты, трофейные немецкие автоматы МР-40, те самые, что кличут «шмайсерами».

Тот, что помоложе, вдруг затаил дыхание, прислушался, даже потянул носом воздух, словно вышедший на охоту волк. Обернулся к своим:

— Слышите? Вроде как машина!

Его напарники быстро переглянулись:

— Точно — машина. А чьи тут машины могут быть?

— Да только немецкие! Вдарим, Иван, а?

Покусав губу, Иван опустил автомат, вслушался:

— Судя по звуку — грузовик. Видать, в грязи застряли.

— Так и поделом, сукам фашистским! — зло прищурился молодой. — Небось, награбленное вывозят. Товарищ старший лейтенант, Иван Аркадьевич, догоним, а?

— Машину — на своих двоих?

— Так, может, не выбрались еще?

— Ну... черт с тобой — глянем. Только осторожно — там полно фрицев может быть.

Прибавив шагу, партизаны двинулись по опушке и вышли на раскисшую от дождей дорогу.

— Вот он! Грузовик! Черт... выехали... Вот уж, мать немецкую...

Выругавшись, парнишка выскочил прямо на дорогу.

— Куда ты! — старший лейтенант тут же рванул за ним, схватил за руку.

С борта удаляющегося грузовика рыкнула пулеметная очередь.

Парнишка нелепо взмахнул руками и кувырнулся в кювет, словно споткнулся. Старлей схватился за локоть — левую руку словно пронзило копьем или, скорее, ударило оглоблей!

— Ах, ты ж черт... Кольша, ты как?

— Нормально, товарищ старшей лей...

— Догнали грузовичок, — зло сплюнул третий. — Ладно, будем уходить. Вань?

— Да локоть...

— Хреново. Рука бездвижной может остаться. Давай-ка перевяжем.

— Сперва Кольшу.

— Давай. О, ё-моё! Нога-то! Кровищи! Ты, Коль, лежи, не двигайся, я сейчас. А грузовик... Там дальше дорога-то заминирована. Далекое не уедут!

«Опель Блиц» цвета фельдграу выбрался на более-менее приличную грунтовку и покатыл со скоростью километров сорок в час. Солдаты — да и щтурмбаннфюрер Брюкнер — заметно повеселели. Усевшись обратно за баранку, шофер даже принялся насвистывать что-то из репертуара знаменитой певицы Ильзе Вернер. Какое-то танго... или пасодобль...

Только недолго он свистел. Что-то вдруг ударило прямо под кузов! Грузовик с адским грохотом подбросило, казалось, прямо в небо.

ТАЙНА СИНИХ ОЗЕР

Когда Брюкнер пришел в себя, вокруг валялись одни обломки да окровавленные ошметки. В голове шумело. Руки-ноги сделались ватными. Покачиваясь, штурмбанн-фюрер все же поднялся на ноги и, вытирая со лба кровь, глянул на показавшееся из-за облаков солнце — маленькое, желтое, похожее на мячик.

— Однако повезло тебе, Курт... Как говорят русские — в рубашке родился.

Эсэсовец криво усмехнулся и вдруг услышал быстро приближавшийся треск мотоцикла, точнее — сразу нескольких. Серо-зеленые БМВ с колясками! Пулеметы, солдаты в плащах и касках. На шеях — бляхи на цепочках с ленточкой и орлом! Фельджандармы! Боже, как повезло...

— Эй, эй, стой! — со всей мочи закричал штурмбанн-фюрер. — Стойте, говорю! Мины!

Похоже, услышали. Остановились.

Выбравшись из седла, brave унтер — похоже, опытный вояка — подобрался по самой обочине к обломкам грузовика:

— Вахтмейстер Фогт. Фельджандармерия. Вы в порядке, герр штурмбаннфюрер?

— Да где уж тут — в порядке! Ящики... документы... Соберите все, что сможете... Быстро! Тут еще русские в лесу.

Что смогли, собрали. Далеко не все. Однако штурмбаннфюрер СС Курт Брюкнер и правда в рубашке родился. Повезло. И не только в этот раз...

Глава 1
ДЕРЕВНЯ КОЙВОЛА — ОЗЕРСК,
май 1963 г.

— Ну Аркадьич, ну ты пойми, ну... — тракторист колхоза «Путь Ильича» Семен Крокотов, не старый еще — лет сорока пяти — мужик с круглым красным лицом и трехдневной щетиной, помял в руках замасленную кепку и, опустив глаза, виновато глянул на собственные грязные сапоги. Нет, сапоги-то новые, и кирза хорошая, да вот — грязь... Так а где ее в деревне нету, коли два дня кряду дождало и только сегодня с утра распогодилось?

— Ну Иван Аркадьевич... Ну ты... ну... Я ж это...

— Вот именно — ты ж... Ты у нас кто? Тракторист! А я — председатель. И у меня за все голова болит!

Иван Аркадьевич поднялся из-за стола, заваленного табелями, скоросшивателями и прочим канцелярско-конторским хламом, и, осторожно поправив бронзовый письменный прибор в виде знаменитой скульптуры Мухиной «Рабочий и колхозница», исподлобья глянул на посетителя.

Пожилой, с недвигающей левой рукой — рана еще с войны, — председатель колхоза Иван Аркадьевич Чайкин был на селе уважаемым человеком. Да не только на селе, но и в райцентре, в Озерске. Еще бы — фронтовик, партизан с двадцатилетним партийным стажем, да еще и колхоз за три года из отстающих... ну, не прямо чтоб сразу в передовики,

но все же из ямы вытащил, за что второй секретарь райкома по сельскому хозяйству товарищ Сатин выразил ему личную благодарность. Ну и грамоту, конечно, выдали — «За вклад в развитие...». Вон она, на стене висит, рядом с портретом товарища Хрущева.

— Ну, это... Аркадьич...

Виноватился Семен — видно было. Потому как человек он совестливый, не какой-нибудь там городской шабашник, а свой, деревенский. А раз просил — значит, очень надо было.

— Эх, быстро вы трудодни позабыли. — Иван Аркадьевич вздохнул, пригладил остатки волос и, одернув синий пиджак с орденскими планками, уселся обратно на стул. Седые усы его уныло повисли, вытянутое морщинистое лицо на миг сделалось каким-то плаксивым, женским. Но тут же вновь стало строгим:

— Тебе зачем отгулы-то?

— Говорю же, сын в институт хочет... Надо в Ленинград ехать, родичей проведать. Что там да как...

— Дак в общежитие же можно.

— Да будет ли еще общежитие-то?

— Эх, Семен, Семен, без ножа ты меня режешь... В самую страду!

— Так пахоту-то закончили... Уж и проборонили.

— А сенокос?

— Побойся бога, Аркадьич! До сенокоса-то еще недели две как раз и будет. Я к тому времени вернусь.

Тракторист вытер выступивший на лбу пот: на левом запястье его было наколото небольшое сердечко и две буквы — «И» и «М». Имя давней зазнобы, грехи юности...

Стоявший на несгораемом шкафу, слева от портрета товарища Хрущева, репродуктор вдруг захрипел и разродился гнусавым голосом диктора:

— А теперь — концерт по заявкам радиослушателей. Для знатной доярки Ирины Матвеевны Кузязевой из колхоза имени Девятнадцатого партсъезда передаем песню Лидии Руслановой...

— Вот и с фермы навоз вывозить некому... — убавив звук, посетовал председатель. — В эмпээсе-то тебя бы не отпустили!

Семен Крокотов лет семь проработал тем же трактористом на машинно-тракторной станции, которая обслуживала пять местных колхозов и два совхоза. Вот уж там — да... там работы хватало: здесь пахоту кончишь, давай в соседний колхоз, потом — в совхозы... Только поздней осенью и отдохали. А вот когда МТС ликвидировали да технику по колхозам-совхозам раздали, тогда полегче стало... трактористам-то. Председателям же — только лишняя головная боль! ГСМ достань, запчасти выбей, механиков толковых найди...

— В эмпээсе — да-а... — согласно кивнув, Крокотов спрятал улыбку — понял уже: сдался председатель, отпустит.

— Слышь, Семен... Ну давай хоть неделю, не две...

Сошлись на десяти днях — на декаде. Отпустил Иван Аркадьевич своего колхозника, коль такое дело — сын. Да и тракторист Семен — толковый.

— Вот спасибо, дорогой ты мой Иван Аркадьич! Вот спасибо! Вернусь — отработаю.

— Ты еще поклонись! — хмыкнув, пригладил усы Чайкин. — Погодь прощаться-то. Про укрупнение районов слышал?

— Да по радио говорили...

— Смотри, не дай бог в Озерск лыжи наворишь! А что? В леспромхозе, говорят, заработать можно.

— Да ты что, Аркадьич! — выкатив светлые глаза, Крокотов вполне искренне всплеснул руками. — Чего еще не хватало — Озерск! Там и жить-то негде...

— Говорят, общежитие в бараках дают. Только неизвестно, на самом-то деле дают ли?

— В бараках! — Семен сплюнул бы, да постеснялся. И только презрительно хмыкнул: — Зачем мне барак, когда у меня своя изба имеется? Да и не поедет Зинка в барак.

Зинка — Зинаида — так звали жену Крокотова, доярку.

— Ну и молодец, что не поедет, — председатель довольно усмехнулся, но на всякий случай погрозил пальцем. — Ладно. Успешно съездить. Деньги подальше положи, спрячь, а то в дороге-то люди всякие... Вот у меня в прошлом году сват... А впрочем, ты слышал, наверное...

Зайдя домой, Семен быстро переоделся, натянул синие довоенные галифе, еще вполне хорошие и имеющие вид. Почистил наконец сапоги, набросил на плечи недавно купленный в сельпо серый шевиотовый пиджак, на голову — серую кепку и, прихватив небольшой чемоданчик, споро зашагал на большак.

Недолго и стоял — минут через двадцать поймал попутный лесовоз. Забравшись в высокую кабину, благодарно кивнул водителю — молодому белобрысому парню:

— Вот спасибо, друг! Не знаешь, в Озерске в Доме крестьянина места есть?

— Так должны быть. Шабашников сейчас нет, шефов тоже — не сезон.

Парень с треском врубил передачу, и тяжелый ЗИС-151 с прицепом-ропуском, полным только что напиленных хлыстов, медленно пополз по грунтовке, шумно ныряя в глубокие коричневато-бурые лужи.

Часа через полтора показался Озерск, недавний райцентр, насчитывающий около двух тысяч жителей. Леспромхоз, колхоз «Авангард», кустовая больница, пром-

комбинат... Еще — школа, почта, сберкасса, Дом пионеров и школьников. Да, и сельскохозяйственное училище на сто человек. Вообще-то центральная усадьба колхоза, но — раз уж был райцентром — считался городом.

— Ну, однако, приехали...

Водитель лесовоза тормознул недалеко от главной площади, никакого названия не имевшей, вернее, называвшейся просто — Площадь. Рядом на пригорке — стадион, за ним — клуб, построенный еще пленными немцами. На самой же площади — кирпичный автобусный павильон, универмаг райпо, продуктовый магазин и отдельно стоящий винно-водочный, красиво называющийся — «Заря». Тут же — большое двухэтажное здание, обшитое выкрашенными в синий цвет досками. На первом этаже — сберкасса и какие-то конторы, на втором — квартиры преподавателей училища.

— Вон он, твой Дом крестьянина, — водитель указал рукой.

— Знаю.

Подхватив чемоданчик, Крокотов выскочил из кабины и, махнув рукой шоферу, направился к двухэтажному бревенчатому дому с высоким крыльцом и тремя вывесками: «Хлеб», «Обувь» и «Дом крестьянина».

Места в Доме крестьянина были. Кроме Крокотова как раз заселялся еще один постоялец, судя по виду — из городских. Светло-бежевый костюм — «пара» — коричневые кожаные сандалии, шляпа, рубаха с узеньким галстуком. Остренькая «чеховская» борода, усики, тонкие губы... Интеллигент! Можно было бы назвать пижоном, кабы не возраст — немолодой уже, верно, Крокотову ровесник. Да нет — пижон! Вон как с девчонкой-администратором заигрывает!

— Ах, Леночка, какие же красивые у вас тут места!

— Тут у нас и охота, и рыбалка, и ягоды скоро пойдут! — милая блондиночка с косами широко улыбнулась в ответ.

— Ах, не зря мне здешние места порекомендовали. А полдома-дом тут у вас никто не сдает? Так, недельки на три... Ого! — тут «пижон» заметил Семена, скривил доброжелательно губы в улыбке, кивнул: — Мельников Михаил Петрович, инженер и... ботаник-любитель. Гербарии собираю, здесь их — непочатый край!

— Крокотов Семен... из деревни мы.

— Очень приятно! О, да тут и кроме нас уже постояльцы есть. Вон вещи-то... А, Леночка?

— Да, товарищи, — юная администраторша одернула модный, с накладными карманами пиджачок, накинутый поверх платья. — Тут еще с вами двое заготовителей из райпотребсоюза. Люди приличные.

— И мы — приличные, — Мельников подмигнул девушке и, хохотнув, повернулся к Крокотову: — Идемте. А что, Семен... как вас по батюшке?..

— Иваныч.

— А что, Семен Иваныч, «пулечку» вечером не распишем? С товарищами из райпотребсоюза?

— Чего?

— В картишки, говорю, перекинемся?

— Это можно. Но лучше — в домино.

— В домино так в домино, — махнул рукой инженер и уселся на свободную койку. — Ну что, распаковываем чемоданы?

Вечером играли. В преферанс умели не все, потому сошлись на более простом варианте — «козле». Соседи — товарищи из райпотребсоюза — оказались молодыми и компанейскими, на четверых раздавили поллитровочку под вареные яйца, плавленый сырок и пироги с рыбой. Хотя

и запрещено строго-настрога, а все же за знакомство как не выпить? Тем более с такими-то приятственными людьми? Но — интеллигентно все, под разговоры за жизнь и без всякого особого шума.

Поиграли, выпили и ровно в одиннадцать вечера, по распорядку, улеглись спать. А ночью случилась гроза...

Поначалу все было тихо, лишь на площади гомонили подростки, слышались смех да гитарный перебор. Ну что поделать — лето...

Откуда взялась грозовая туча — черт ее знает, но вот нагрянула. Подобралась незаметно, словно голодный хищник, и очень даже быстро заволокла тихой сапой полнеба, оглянуться не успели — а уже и гром! Поначалу отдаленный такой... скорее даже не гром, а глухое ворчание, будто где-то за лесом ворочался да недовольно урчал медведь.

А потом вдруг резко засверкали молнии, пронеслись канонадой громовые раскаты — над лесом, над городком, над озерами. Туда, в межозерье, и ударила молния — казалось, близко совсем. Громыкнуло так, что заложило уши, и тут же хлынул ливень!

Подростки с площади укрылись под спасительной сенью автобусной остановки, разом погасли редкие уличные фонари — дежурная смена местной подстанции вырубилась электричеством, опасаясь грозы.

Темно стало кругом, неуютно, мокро. Сверкали молнии, громовые раскаты прокатывались, словно волны в бурю, дождь лил стеной. Недолго, правда. Немного погода поутих, но молнии так и сверкали, и гром еще гремел...

В этакую-то непогоду и пробирался окраиной городка припозднившийся путник. Спасаясь от дождя, он поднял воротник плаща, натянул на самые уши кепку. Зачем-то оглянулся, потом нырнул под спасительную сень крыльца одиноко стояв-

шего дома. Не изба то была, а именно дом — не по-деревенски длинный, обшитый досками, с высоким крыльцом.

По жестяному козырьку крыльца дробно стучали капли. Путник снова оглянулся, бросив быстрый взгляд на видневшийся в полусотне метров двухэтажный бревенчатый барак. Постоял, посмотрел и, таясь по-воровски, вытащил из-за пазухи плоский карманный фонарик. Включил на миг, осветив синюю, с серебристыми буквами вывеску — «Озерский районный дом пионеров и школьников». Старая была вывеска — район-то нынче отменили, так что быть ли здесь Дому пионеров — бог весть...

Удовлетворенно кивнув, неизвестный глянул на небо и, пожившись, спустился с крыльца. Обошел здание, прячась за кустами малины, затем, подойдя к окну, сноровисто выставил стекло! Тихо все, быстро...

Дождь уже почти кончился, но гром все гремел, а невдалеке, над лесом, сверкали синие молнии. Аккуратно прислонив выставленное стекло к высокому цоколю, мужчина просунул руку в окно, нащупав запор и распахнув створку, ловко забрался внутрь. Послышался глухой звон разбитого стекла, какое-то ляганье...

Снова ударил гром.

* * *

— Ну вот сами смотрите, товарищ... — встав посреди небольшого зала, заведующий Домом пионеров Аркадий Ильич Говоров растерянно развел руками. Еще не старый — сорок два года, — но уже сутулый и несколько рохля, Аркадий Ильич должностью своей гордился и много чего делал: и кружководов находил, и общественников привлекал, и средства в гороно выбивал — короче говоря, был на хорошем счету. А тут вдруг такое!

— Они вот через это окно влезли. Вот, товарищ участковый, тут и следы еще не высохли...

— Да уж вижу.

Совсем еще молоденький участковый в новенькой синей форме внимательно осмотрел следы, смазанные, честно-то говоря, или нарочно затертые. Посмотрел, вздохнул и перевел взгляд на заведующего:

— Так что, говорите, украл-то?

— Два фотоаппарата из фотокружка, — с готовностью перечислил Аркадий Ильич. — «Любитель» и «Смена». «Любитель» — на широкую пленку, а «Смена»...

— ...да знаю я, — прохаживаясь вдоль стен, участковый внимательно осматривал разбитые выставочные витрины. — А тут у вас что было? Драгоценные камни? Скифское золото?

— Да уж скажете! — заведующий фыркнул. — Военная экспозиция. Партизанский отряд у нас в войну был... Но медали не взяли — сами видите. Да и фотографии, документы целы, только вон... разбросаны.

— Похоже, вашими ценными бумагами воры подоконник протерли... и следы, — усмехнулся милиционер.

— Варвары!

— Значит, кроме фотоаппаратов, ничего больше ценного не пропало...

— Ой... стойте, стойте! — Говоров неожиданно заволновался. — Как же ничего ценного? А «Спидола»! У меня в кабинете была... взломали замок...

— Да у вас такие замки, что ногтем откроешь! Говорите, «Спидола»?

— Ну да. Ценный подарок от райкома партии! — не удержавшись, похвалился заведующий. — За хорошее воспитание школьников.

Участковый согласно кивнул:

— «Спидола», конечно, вещь недешевая. Поди рублей шестьдесят?

— Семьдесят три рубля сорок копеек! Новыми, — с гордостью пояснил Аркадий Ильич. — По-старому — семьсот тридцать четыре рубля!

К «новым» ценам, введенным в оборот после прошлогодней денежной реформы, люди еще не привыкли и постоянно переводили «новые» цены в «старые».

— Хороший приемник, пластмассовый, легкий. На транзисторах! — заведующий горестно вздохнул. — Какая-то сволочь его теперь слушает?

— Так... — участковый взял брошенную на подоконник полевую сумку-планшет. — Где бы у вас показания записать... и протокол осмотра?

— А вот, прошу, пожалуйста, в мой кабинет.

— Мне еще понятые нужны.

— Так это... сейчас сотрудники как раз придут на работу. У нас совещание! Да вы проходите, товарищ милиционер.

Сквозь оконное стекло сверкало чистое, умытое вчерашним дождем солнце. Войдя в кабинет, участковый невольно прищурился, потом уселся за старый конторский стол спиной к окну. Снял фуражку, вытащил из полевой сумки листы бумаги и перьевую ручку, буркнул себе под нос:

— Однако, начнем. Мной, участковым уполномоченным отделения внутренних дел Озерского райисполкома младшим лейтенантом милиции Дорожкиным Игорем Яковлевичем, составлен настоящий протокол...

— Товарищ милиционер, а собаку привлекать будете?

— Так дождь же был. Что толку-то?

— И правда...

Вообще-то никакой собаки в Озерском отделении милиции не было. После недавней реорганизации остались только три участковых, два опера, вечно пьяный

техник-криминалист, да дежурка. Ну и начальник, само собой. Следователи — при особой нужде — приезжали из нынешнего районного центра, соседнего Тянска. Правда, ездить в Озерск они не особо любили, предпочитая рассылать «отдельные поручения». А кому эти поручения исполнять-то? Коли из трех участковых — один на курсах, другой уволился, а об оперативниках и говорить нечего. Должности есть, а людей нету. Прислали тут из Тянска одного старлея, Ревякина Игната. Вроде парень ничего, да вот пока в курс дела войдет...

Дорожкин вздохнул и пригладил светлую, упавшую на глаза челку. Вот ведь угораздило сразу после армии в участковые податься. Лучше бы на сверхсрочную остался. Так нет же, соблазнился обещанной комнатой.

— Документы на «Спидолу» имеются?

— А как же! Вот, пожалуйста. Ой! Еще радиодетали пропали. Лампы там всякие, диоды-триоды... разный, знаете, хлам. Это и не важно, в общем-то...

— Нет уж, — насторожился участковый. — Как раз — важно! Радиидетали только конкретным людям нужны — радиолюбителям. Вот их и поищем. Вы вообще кого-то подозреваете?

— Ах, бросьте! Кого тут подозревать?

— Что ж, ладно. Вот здесь распишитесь... и здесь... Понятые-то где?

— А, сейчас, сейчас позову... я быстро...

Вообще-то хорошо бы все это прекратить за малозначительностью да материал проверки списать в архивное дело. Однако не выйдет. Тут ведь не просто кража, а — со взломом! Пусть даже и насчет «группы лиц» еще бабушка надвое сказала. И «Спидола» — семьсот тридцать... тьфу ты — семьдесят три рубля. Почти как зарплата. Да и фотоаппараты еще — «Любитель» со «Сменой», конечно, дешевые, но...

- Вот, пожалуйста — поняты! Проходите, товарищи.
- Аркадий Ильич...
- Да-да?
- У вас фотоаппараты на балансе стоят?

* * *

Матушка-природа наградила бывший райцентр весьма щедро: кроме бескрайних лесов, ореховых и рябиновых рощиц имелись еще река и целых три озера, именовавшихся без затей — Маленькое, Среднее и Большое. На самом дальнем и рыбном — Большом — раскинулись песчаные пляжи, на Маленьком и Среднем — мостки. Впрочем, рыбой и эти обижены не были.

После ночного ливня солнышко словно на волю вырвалось — жарило уже совсем по-летнему, припекало прямо с утра! Возникшие за ночь лужи на глазах исходили паром, в кустах акации перед исполкомом радостно щебетали птицы. Девушки уже переоделись в платья — крепдешиновые, ситцевые, — яркие, с короткими рукавами, в горошек, в цветочек, в клеточку...

Мальчишки шли в школу в одних рубашках, а младшеклассники — так те вообще в коротких, на помочах, штанах. Лишь девчонки, как всегда, парились в коричневых своих платьях с передниками. Передники, правда, нынче были белые, праздничные, как и рубашки у парней.

Молодой человек — юноша в белой рубашке и светлых парусиновых брюках — слез с велосипеда у почты. Прислонил велосипед к забору, уселся на парапет и стал кого-то ждать, лениво поглядывая на ожидавших автобус пассажиров.

Тетки в жакетах, двое мужиков с котомками, командировочные с чемоданчиками — немного, все же рабочий день. Автобус «Озерск — Тяньск» нынче ходил часто — три

раза в день! А по субботам, воскресеньям и понедельникам ездили еще и по деревням. Совсем красота! Не как в старые времена — добираться как знаешь. Это, конечно, хорошо. От укрупнения районов хоть какая-то польза. Но вместе с тем... Озерск раньше был райцентр, а теперь что?

Юноша пригладил темно-русые волосы. Подстриженные когда-то «полечкой», они сейчас лезли в глаза, приходилось зачесывать челку назад, однако ветер быстро трепал прическу.

Вытащив из кармана расческу, юноша тщательно причесался, поймав на себе заинтересованные взгляды проходивших мимо школьников, судя по виду — семиклассниц или еще младше. Мелкота! Ишь, вылупились!

Одна даже набралась храбрости — поздоровалась:

— Максим, привет.

Темненькая, востроглазая, стройненькая... Знакомая...

Максим улыбнулся, снизошел до ответа:

— Привет, Женька, привет. В школу?

— Ну а куда ж? Последний день нынче, забыл?

— Х-ха! То-то я смотрю — такие красивые все.

— А у тебя когда экзамен?

— Послезавтра. Русский язык.

— Ну, ни пуха, ни пера.

— К черту, к черту. Мне бы, главное, французский сдать.

Насчет остальных я не волнуюсь.

— Сдашь.

— Сдам.

— Увидимся, Макс!

Макс... хм... Ну и что с того, что младшей сестры одноклассница? Никакого уважения. Совсем. Ох уж эти пионеры... А вообще Женька — счастливая. Никаких экзаменов нынче в седьмом классе сдавать не надо — сразу в восьмой, он выпускным считается, не как раньше — седьмой. Потому как

реформа: не семилетняя школа, а восьмилетняя, не десять классов, а одиннадцать, и два дня в неделю изволь на производственной практике отработать: на ферме, в леспромхозе или еще где... Чтобы стаж шел. Без стажа — никуда.

Вот и Максим одиннадцатый заканчивал, экзамены остались — и все.

Кстати, а Женьку эту в детстве Горемыкой прозвали! За то, что в разные истории попадала: то в детском саду кипятком руку ошпарила, то в парке потерялась, а как-то ее с рейсового автобуса сняли — решила просто так покататься. Но все это давно: Катька, сестра Максима, иногда вспоминала, а вот Женька прозвища своего старого не любила. Да и позабылось оно уже.

К остановке наконец подъехал автобус из Тянска — желто-красный тупоносый ЗИС-155. Остановился, распахнул двери-гармошки, старых пассажиров выпустил, новых — впустил.

Макс посмотрел с любопытством: всегда интересно, кто в город приехал, может, знакомый кто... Нет. Знакомые — да, но все — народ пожилой и не интересный ничуть.

— Бонжур, Макс! Извини, припоздала.

— Бонжур, Лидия... Борисовна.

Молодая женщина — девушка двадцати трех лет отроду — спрыгнула с дамского, с низкой рамой, велосипеда. Красивая такая шатенка. Учительница французского языка, точнее сказать — практикантка. Старая-то учительница уволилась, вот ее и попросили до конца года поработать — сам директор попросил. А кого еще брать-то?

Ну да, «бабетту» носит — прическу такую, с начесом, как у героини французской актрисы Бриджит Бардо в кинофильме «Бабетта идет на войну». Так, «бабетту» в больших-то городах все молодые женщины носят, это

вот в Озерске только косятся да всякие слова нехорошие говорят.

А Лидии Борисовне... Лиде... хоть бы что! Да и «бабетта» — это же не «колдунья», когда волосы распущены по плечам, без всякого к общественной нравственности уважения. Опять же, по фильму «Колдунья» — его в ДК недавно показывали — с Мариной Влади. Показывать-то показывали, а с такой прической не то что в школу не пустили бы, а и запросто могли бы привод в милицию оформить! Как за мелкое хулиганство. Стиляг же таскали...

Красивая Лидия Борисовна, уверенная в себе, ничего не скажешь! Волосы осветленные; большущие, серые, с подведенными стрелками глаза. Вся из себя стройная, ноги — ух... и грудь... ничего так себе грудь, парни вслед оборачивались... и не только парни, но и взрослые женатые мужики. Мужики оборачивались, тетки — плевались. Обещали на директора школы общественную кляузу написать.

Красивая... И велосипед у нее шикарный, дамский, так весь и сияет, не то что «колхозный» Максов «Урал», бог весть из каких деталей собранный.

— Еще раз извини — эскьюзе муа.

Лидия Борисовна поправила привязанный к багажнику небольшой саквояж.

— Спасибо, что помочь согласились, — поблагодарил Макс. — Мерси боку.

— Пустое, — учительница обворожительно улыбнулась. — Ну, Максим, где заниматься будем? Предлагаю на озеро. На дальнее. Там такой тихий пляж...

Юноша молча кивнул — согласился. Еще бы! Усевшись в седло, Лидия Борисовна закрутила педали. Максим выждал минуты три — для конспирации — и неспешно поехал следом. Чтобы не вместе. А то потом слухи пойдут — городок-то маленький.

Проехав мимо двухэтажной деревянной библиотеки, велосипедисты один за другим свернули по улице вниз, к бане, и, проехав краем ближнего — Среднего — озера, покатали по деревянным мосткам, ведущим к кустовой больнице. За больницей, на пологом холме, уже начиналась деревня, а сразу за ней синело озеро.

За деревней Максим наконец догнал свою спутницу. Дальше поехали рядом, а потом и вообще пошли пешком, зашагали по узенькой тропке. Вдалеке на склоне холма копошился колхозный трактор — что-то там боронил, поднимая тучи желтоватой пыли.

— К дальнему пляжу поедем? — обернулся шагавший впереди Максим.

Учительница пожала плечами:

— Наверное... Там ведь пусто сейчас.

— Ну да. Рабочий день, да и малышня вся в школе.

Спустившись с холма, тропинка нырнула в заросли орешника, затем пересекла луг, золотисто-желтый от лютиков и купавниц. И вот он — пляж! Узкая полоска песка, кусты, травища... И — пусто. Совсем никого.

— Ну, вот здесь.

Лидия Борисовна положила велосипед в тенечек, достала из саквояжа покрывало и... фотоаппарат «Зоркий» в коричневом кожаном футляре. Очень даже неплохой фотоаппарат, с автоспуском и объективом «Индустар» — Максим во всем этом разобрался.

— Ну что... Для начала повторим грамматику, а потом — диалоги.

Сняв сандалии, учительница уселась на покрывало и, вытянув босые ноги, принялась что-то быстро говорить по-французски. Максим понимал через слово. В пятом классе у них недолго был немецкий, с седьмого до девя-

того — французский, а потом вообще никакого иностранного языка не было — некому было вести.

Потом говорили о Ленинграде. Тоже по-французски. Не о Москве, как в учебнике, а именно о Ленинграде. Москву Лидия Борисовна не любила, а в Ленинград ездила часто, обожала этот город, так и говорила:

— Ж'адор!

Восхищалась Кировским театром, театром имени Пушкина, музкомедии... Вспоминала многие постановки — «Лебединое озеро», «Аиду», «Жизель»... Честно сказать, Максим во всем этом не разбирался, никаких театров в Озерске не было, в Тянке, правда, был, но и тот — народный.

— А что ты не загорашь? — Лидия Борисовна склонила голову набок. — Стесняешься?

— Да нет. Часы у вас... у тебя красивые.

— Еще бы! «Заря»! Золотые, между прочим.

Не особо-то Макс и стеснялся. Подумаешь, вместо плавок — черные семейные трусы! Не у всех эти самые плавки имелись... как и школьная форма. Провинция — это вам не Москва и не Ленинград, трудно живет народ, бедновато. Во многих семьях отцы с войны не пришли, а те, что пришли, частенько пили...

Он все же разделся. Тела своего он тем более не стеснялся — все же спортсмен-разрядник, значкист ГТО!

Лидия Борисовна повернулась спиной:

— Расстегни...

Сзади — пуговицы на платье, маленькие такие, пластмассовые.

— Будешь меня фотографировать! А сейчас я тебя на память щелкну.

— Да не надо меня...

— Ага, есть! Теперь закрой глаза. Ну закрой же!

— Закрыл.

— Все... Можешь открыть.

— Ой!

Вот это действительно было — ой! И даже — ой-ой-ой! Не испытывая никакого стеснения, юная красотка-учительница предстала перед учеником... хм... не то чтобы совсем голой, но около того. Узкие — желтые в красный горошек — плавки, такой же узенький лиф. Это называлось «бикини», но такого слова Максим тогда еще не знал.

— Это такой купальник. Как у Бриджит Бардо! Нравится?

— Д-да...

— Ну, бери же фотоаппарат! Я буду позировать. Да, и перестань мне «выкать». Договорились же, когда мы одни — просто Лида. Ву компрене?

— Уи.

Лидия Борисовна — точнее, уже просто Лида — зашла по колено в воду, поморщилась...

— У-у! Холодновато. Хотя... А давай окунемся?

— Давай-те... давай!

Положив фотоаппарат на покрывало, Максим вбежал в воду, подняв тучу брызг.

— Нет, нет, не брызгайся! Ай! — громко засмеялась Лида.

— Ну! — Макс, вынырнув, обернулся: — Ныряй же, ныряй!

— Ага, «ныряй»! У меня вся прическа погибнет.

Девушка осторожно зашла в воду по пояс, наклонилась и поплыла.

— Уф-ф! Пойдем скорее греться.

Они улеглись рядом на покрывале. А дальше все случилось словно само собой — то, что, наверное, и должно было случиться.

— Хочу ровный загар. Расстегни мне, ну вот так... так...
Иди сюда...

Поцелуй... поцелуй — сначала робкие, потом — все горячее... Правда, до большего дело не дошло, постеснялись, что ли...

— Лида, ты... ты такая... — молодой человек не смог подобрать нужных слов и снова поцеловал девушку в губы.

— Ты тоже хороший, Макс. Нравится Ив Монтан? А Пари... или «Опавшие листья»?

— Я как-то пластинку слушал. Сестра у подружки проигрыватель брала. Та просила починить — я починил.

— А у вас радиолы нет?

— Нет. Приемник только. Мать одна, отец от ран умер, еще в пятьдесят восьмом.

— Извини... Нет, ты хороший, Максим. И славно, что вот так... чинить можешь.

— У нас в Доме пионеров когда-то радиокружок был. Я ходил.

— Здорово! А ты знаешь, я шить могу. Вот платье это, купальник... Подружка как-то журнал дала. Я как увидела фотку Бриджит в таком вот купальнике, так и... вот, сшила. Правда красиво?

— Очень! Только ты это... при всех так не ходи.

— Ну, я ж не дура, Макс! И так все косятся.

Поглощенные друг другом, молодые люди и не заметили, что за ними давно уже наблюдают. На середине озера виднелся небольшой островок, поросший разнотравьем и вереском. Там, на отмели, в камышах, прятал свою лодку рыбак в надвинутой на самые глаза шляпе. Усмехаясь, пялился он на парочку в бинокль, даже присвистнул в самом интересном месте. Похоже, кого-то узнал.

Посмотрев еще пару минут, рыбак опустил бинокль и осторожно, чтобы не заметили с берега, погреб за острова, а там и дальше — прочь...

Максим вернулся домой уже ближе к ужину. Построенный еще до войны большой дом-пятистенка стоял на тенистой улице в числе таких же точно домов, с огородами и палисадниками. Младшая сестра Катя — высокая, со светлой косой и уже заметной грудью девчонка — как раз приготовила обед: сварила щи и картошку. Пару дней назад в винном «выкинули» селедку — вот и пригодилась.

— М-м, — Максим орудовал ложкой, как галерный гребец веслом, — проголодался. — Вкусно!

— Еще бы не вкусно. — Катя довольно одернула платье, посмотрела в окно. — Ого! Милиция! Кажись, к нам... Симпатичный какой!

— Милиция? — Макс отложил ложку. — И впрямь — к нам. Интересно, зачем?

Никакого страха молодой человек не испытывал — ничего такого он не совершал. А что милиционер во двор заглянул — так мало ли зачем милиция ходит?

— Здравствуйте! Мезенцевы здесь проживают? — зайдя во двор, молодой светлоголовый милиционер вежливо поздоровался с выглянувшей в окно девчонкой.

— Мы Мезенцевы, — улыбнулась Катя. — Ой, а мама на работе сейчас. В конторе.

— Да мне бы не маму, мне бы Максима Петровича Мезенцева.

— Ой, — Катерина удивленно моргнула и оглянулась: — Максим! Кажись, к тебе...

— Ну, пусть проходит.

— Здравствуйте, — войдя, еще раз поздоровался милиционер. — Я — участковый ваш. Младший лейтенант

Дорожкин, Игорь... Яковлевич, — посмотрев на Катю, почему-то поспешно добавил участковый. — А вы, значит, Максим?

— Да, я Максим.

— Тут сигнал один поступил. Надо бы проверить.

— Ну, проверяйте, если надо. Вот, присаживайтесь.

— Спасибо.

Участковый положил фуражку на стол и важно раскрыл полевую сумку. Бумага, ручка — все как положено.

— Тебе, Максим, ведь шестнадцать лет есть, так?

— Восемнадцать уж скоро! А что случилось-то?

— Ты, говорят, когда-то в радиокружке занимался?

— Занимался, — согласно кивнул Максим.

Как и у подавляющего большинства советских людей, участковый уполномоченный не вызвал в нем никакого страха или, тем более, ненависти. Скорее наоборот. А Катька так во все глаза на милиционера и тарашилась. Видать, понравился.

— Товарищ участковый, а может, вам молочка налить? Холодненькое, с погреба. Мы у соседей от коровы берем.

— Это сестра моя, Катерина.

— Спасибо, я обедал уже, — младший лейтенант несколько сконфузился и напомнил: — Так я про радиокружок.

— А, это давно было, — сидя на стуле, потянулся Максим. — Классе в шестом—в седьмом... А потом преподаватель наш, Артемий Викторович, в Ленинград уехал. Так бы, может, и сейчас бы занимался.

— Нравилось?

— Еще бы!

Говоря так, Максим вовсе не кривил душой. Позанимавшись некоторое время в радиокружке, он увлекся этим делом всерьез и даже сейчас еще любил собирать радиоприемники,

чинить радиолы и все такое прочее, за что ему были признательны многие, а лучшая подружка сестры — семиклассница Женька — так та его вообще обожала. Особенно после того, как он ей переносной проигрыватель починил. Хороший такой проигрыватель, в виде небольшого раскладного чемоданчика — «Юбилейный». Женька на нем пластинки Ива Монтана слушала, которые из Риги привезла, а в Риге у нее старшая сестра замужем за каким-то старпомом.

Да что там проигрыватель! В школе и в местном клубе без Макса не обходится практически ни один вечер танцев. Там ведь тоже надо что-то паять, чинить, звук налаживать. Все не так просто — надо, чтобы работало.

— Так, а кто еще с тобой занимался? Активным был?

— Да много кто, — молодой человек задумался. — Мишка Рашников, он в ремесленном сейчас, ну, в училище... Еще Колька Федотов, в десятый «Б» перешел... Ванька Мошников — это вообще восьмиклассник...

— А живут они...

Пожав плечами, Макс продиктовал адреса. А что бы и не сказать? В милиции-то, почитай, и так все адреса известны. Зачем тогда участковый их спрашивал? А черт его знает.

— Теперь вот еще... Ночью ты где был?

Вот тут Максим по-настоящему удивился:

— Так дома, спал.

— Домашние подтвердить могут?

— Вот это вряд ли! Я летом в сарайке сплю. Там хорошо, нежарко.

— Да, он в сарайке спит, — подтвердила, хотя никто ее и не спрашивал, Катя. — Там, за домом. Удобно... — девочка завистливо вздохнула. — Когда хочешь — пришел, когда хочешь — ушел. Никто и слова не скажет.

— Так-та-ак... — покусав губу, протянул участковый. — Так-так...

— Да что случилось-то? — Макс искоса посмотрел на милиционера.

— Да так... — прощаясь, уклончиво отозвался тот. — Узнаете, если что.

— Симпатичный... — захлопнув за гостем дверь, улыбнулась Катя. — Вот интересно, девушек в милиционеры берут?

— Сиди уж... девушка!

— А что? Ой! — округлив глаза, сестра вдруг всплеснула руками: — Самое главное-то я тебе не сказала! И у милиционера забыла спросить.

— Да что случилось-то?

— Дом пионеров ночью ограбили! Говорят, имущества вынесли — на большие тыщи!

— Да откуда там тыщи? Стой! Дом пионеров? Ночью? Так это что же, это милиция думает, что это я, мы...

Мотнув головой, словно прогоняя какое-то наваждение, Максим заморгал и беспомощно посмотрел на сестру:

— Кать, а как так может быть-то?

Глава 2

ОЗЕРСК И ОКРЕСТНОСТИ,

май-июнь 1963 г.

Ночью Макс спал плохо, ворочался, все думал о происшествии, об этой чертовой краже! Фотоаппараты, видите ли, украли... Да какие там фотоаппараты-то? Одно старье — «Любитель» да «Смена», кому они вообще понадобились? Другое дело — «Спидола», вещь нужная, дефицитная. Семьдесят рублей стоит — новыми. Ну, такую можно и за сотню продать! Радиодетали еще... Нет, они что же, всерьез на него думают? Как же так? Участковый, вон, про друзей выпрашивал.

А что друзья? Мишка Рашников, Колька Федотов. Мошников... Мишка в ремеслухе... в училище учится, в Тянке. На столяра. Никогда особо с ним не дружили, так, приятельствовали, и то потому, что в один кружок ходили. Да и не видались давно уже — целую жизнь. Ну да, с тех пор как Рашников в Тянск уехал, тетка там у него. Хотя... нет, по осени как-то встретились в клубе на танцах. Повзрослел Мишка, не то чтобы вытянулся — наглее как-то стал, выпендреннее. Пальто себе черное справил, сапоги хромовые, кепку-«лондонку» и белый пижонский шарф. В уголке рта сигаретка-«гвоздик» прилипла... Так блатные ходят. Или приблатненные... Смог бы Мишка Дом пионеров ограбить? А черт его знает... Наверное, смог бы. Только вот нет его в городке. Да и радиолампы, и фотики старые ему ни к чему. Вот «Спидола» — другое дело. Но ради этого на кражу со взломом идти?

Максим поднялся с койки, натянул трико. Пробежаться, что ли? Нет, лучше Горького почитать, вдруг вопрос по нему на экзамене попадется? Там по Горькому много...

Так, вот и хрестоматия, на столе, как раз на нужной странице открыта. Пролетарский писатель Алексей Максимович Горький родился... уехал... Капри... «На дне»...

А Колька Федотов? А Ванька Мошников?

...изображение сурового быта рабочего класса...

Колька — темная лошадка. Ни с кем особо не дружит, все время сам по себе, наособицу. Рыбалку любит — да и в кружок недолго ходил. Мог украсть? Кто его знает...

...в романе «Жизнь Клима Самгина» великий пролетарский писатель описывает...

Мошников? По мелочи хулиганит, и дружки у него такие же. Мог и этот... Но только если что плохо лежит. Но чтобы забраться да замки ломать — пожалуй, нет.

...встречался с Владимиром Ильичем... вред богостроительства в литературе...

— Макс! — снаружи послышался звонкий голос сестренки Кати. — Макс, ты проснулся уже?

— Занимаюсь, — он отложил книжку, распахнул дверь.

Катя немедленно заглянула внутрь:

— Ого — хрестоматия!

— А ты думала!

— Есть будешь? Я глазунью приготовлю. Мама на работе уже — у них там отчет какой-то.

— Глазунью, говоришь? Ну, давай.

Щурясь от солнца, Максим невольно залюбовался сестрой: высокая, стройная, с распущенными по плечам волнами светлых спутанных со сна волос, она выглядела чуть старше своих четырнадцати лет и уже притягивала взгляды парней. Конечно, приятно иметь такую красавицу-сестру, однако за девкой глаз да глаз нужен!

А как ей шло синее ситцевое платье! Вот вроде бы и простое, и чуть маловато уже...

— Ты что смотришь-то? Не нравится глазунья, могу омлет.

— Нет, уж лучше глазунью.

— Как скажешь. Ну и бардак тут у тебя! И как ты только тут что-то находишь?

— Да легко! — юноша усмехнулся и показал сестренке язык. — Бардак, говоришь? А у тебя на голове — «колдунья»! Прическа, конечно, модная, не спорю, но ходить в таком виде по улицам в нашем городке не рекомендуется.

— Вот дурак-то! — без всякой обиды рассмеялась Катя. — А еще взрослый... почти. Косу-то я заплету, а вот ты когда порядок наведешь в сарайке?

— Да я...

— А! Сам не знаешь. То-то! Ну, жду на завтрак. Читай свою хрестоматию.

Рано повзрослела сестренка... Теперь по попе не шлепнешь! Да и с сараем вишь как утерла!

Усевшись на койку, Максим бросил беглый взгляд на свое летнее обиталище и вздохнул. Чего тут только не было! Накопилось за много лет. Велосипедные колеса, ржавые рамы, неисправный насос (все руки не доходили починить), старые часы-ходики, радиолампы, еще какие-то детали, пачка старых журналов для радиолюбителей, заигранные до полной невозможности грампластинки, даже довоенный патефон со сломанной иглой и много чего прочего. Что-то — действительно нужное, а что-то — откровенный хлам, который, однако, рука не поднималась выкинуть. А вдруг да сгодится? Выкинуть-то легко, а потом обыщешься!

Максим покачал головой: ишь ты — бардак. Кому бардак, а кому — так надо. Все вещи — на своих местах, что понадобится — всегда отыскать можно. Хотя сестрица иногда приникала в сарай и даже в отсутствие брата что-то брала — обычно журналы или открытки... Вот и вчера, верно, заглядывала — вон, чемодан не так лежит, он должен строго у стеночки стоять, а не так вот...

Пнул чемодан ногой — тот быстро переместился на свое место. Максим опять завалился на койку и, закинув руки за голову, уставился в потолок. На губах его блуждала немного глупая, но счастливая улыбка. Лежал он, вчерашний день вспоминал, озеро. Лидию Борисовну... Лиду. Как там у Ярослава Смелякова? «Хорошая девочка Лида»...

Как они вчера целовались! Даже представить невозможно, чтобы вот так... А может, ничего и не было? Показалось все, приснилось? И Лида приснилась, и желтое бикини в горошек, как у Бриджит Бардо, и бесстыдно-темная ямочка пупка. И волнующе-упругая грудь, и все, что там дальше было...

Ах, как сладостно защемило сердце! Лида, Лида... Были ли все это? Было! И, очень даже возможно, будет еще...

Так, верно, не зря про Лидию Борисовну всякое болтали... И пусть! И что? Действительно — и что? Что дальше-то? Можно ли назвать это любовью? Вряд ли. Да точно — нет. Скорее влечение... к очень красивой девушке, да.

Макс пытался разобраться в себе. С одной стороны, ему, как комсомольцу и советскому человеку, должно быть стыдно, однако вот незадача, никакого стыда он почему-то не испытывал, мало того — мечтал повторить! Да и на его отношение к юной учительнице-практикантке случившееся никак не повлияло, разве что в лучшую сторону.

Ах, Лида. Лида... Так Смелякова и не вспомнил, только одну строчку. Надо у Катьки спросить — как все девчонки, она в толстую тетрадку записывает и стихи, и модные песни типа «Бабушка, научи меня танцевать чарльстон».

— Макс! Глазунья готова, — донесся с крыльца голос сестры. — Есть иди. А я потом в школу.

— Так каникулы же вроде начались? — выйдя из сарайки, Максим недоумевающее моргал глазами.

Катя подбоченилась — уже успела заплести косу:

— А учебники сдать? Да и Христина Федоровна просила с цветами в классе помочь.

Христина Федоровна была классным руководителем седьмого «А», где учились Катерина и Женька. Преподаватель математики — женщина строгая, но душевная.

— Вот поедем, и пойду. А ты учи!

— Да как-нибудь без сопливых...

Оставив брата готовиться к экзаменам, Катя аккуратно перевязала оставшиеся учебники бечевкой и зашагала в школу, намереваясь еще заглянуть к Женьке — та жила как раз по пути, рядом с колодцем.

В Озерске с недавних пор стало две школы. Одна — новая, светлая и просторная, построенная два года назад по

типовому проекту для городских школ, и вторая — старая, деревянная, бывшая земская гимназия. Старая школа располагалась невдалеке от новой, на вершине крутого холма, поросшего высокими соснами и осиной. В этом учебном году в старом здании еще учились несколько классов начальной школы. Но уже с сентября их должны были перевести в новую школу, старую же передать на баланс Тянского горно, для устройства в ней летнего трудового лагеря. Там же, в старом здании, пока находился и школьный музей.

На углу Пролетарской и Советской девушка остановилась отдохнуть у книжного магазина, где кроме книг продавались всякие школьно-канцелярские товары. Магазин оказался закрыт, хотя, судя по вывеске, уже полчаса как должен был работать.

Поставив связку учебников на крыльцо, Катя с любопытством смотрела, как прямо напротив, через дорогу, грузился старенький колхозный грузовик с самодельной будкой-фургоном. В двухэтажном деревянном здании располагались редакция местной газеты и архив, из которого как раз и выносили пыльные ящики и папки.

— Переезжают, — остановился у магазина седенький старичок в старом пиджачке и летней соломенной шляпе.

— Здравсьте, Иван Петрович, — вежливо поздоровалась Катя.

В Озерске все друг друга знали, а старичок этот когда-то работал в школе учителем, правда, Катя тех древних времен не застала.

— Переезжают, говорю, — Иван Петрович был глуховат на левое ухо и всегда говорил громко. — Теперь уж мы не райцентр. Ни архива нам не полагается, ни военкомата. Газету — и ту в Тянск переведут. Такие вот дела. Эх, как они долго грузят-то... Вон, девчушки все... Архивные. Что, грузчиков не могли в колхозе попросить, что ли?

Насчет грузчиков Катя была не в курсе, потому просто пожалала плечами.

— Интересно, где Авдотья-то? — старичок вытащил старинные карманные часы в виде серебристой луковицы, — пол-одиннадцатого уже. Пора бы и открыть.

Катя рассеянно покивала — да, мол, пора. Авдотьей звали продавщицу. Вообще-то с собой у Катерины было двадцать копеек новыми, и в книжном она намеревалась купить линейку. Не обычную деревянную линейку за три копейки, а прозрачную голубовато-синюю, плексигласовую, красивую — не оторвать глаз. Катя ее еще вчера заприметила и пожалела, что не взяла с собой денег. Теперь вот переживала — не купил ли кто? Так ведь обычно и случается: понравится вещь, на следующий день придешь — а ее уже и нет. Линейка, к слову сказать, стоила целых пятнадцать копеек — две порции фруктового мороженого можно скушать и еще копейка на спички останется. А спички в каждом доме нужны!

— А, вот она, Авдотья-то! — заприметил старичок. — И что ей в архиве делать?

— Бегу-бегу! — завидев покупателей, еще от архива закричала Авдотья, дебелая тетка в синем сарафане и косынке в горошек. — Сейчас я... сейчас...

Пропустив рейсовый автобус из Тянска — все тот же желто-красный тупорылый ЗИС, — продавщица наконец пересекла улицу:

— Доброго вам здоровьица, Иван Петрович. И тебе...

— Здравствуйте.

— Ой! — отперев большой висячий замок, Авдотья резко обернулась. — А что в архиве случилось-то, а!

— А что там такого случилось? — Иван Петрович приставил ладонь к левому уху.

— Ограбили архив-то — вот!

— Ну! — развел руками старичок.

Катя тоже удивилась:

— А что там грабить-то?

— Да не знаю. Ну-ка, засов поддержи. Ага...

Опустив тяжелый засов, продавщица обернулась:

— Не знаю, взяли там чего али нет, а только забрались.

Дверь подломили да влезли. Там ведь замок-то — хуже, чем здесь. Говорят, рыбаки воров-то спугнули! Мимо с озера шли, видят — в окнах свет мелькает. Ну, фонариком кто-то светил. Они и прикрикнули — мол, мальчишки шалят. Кто-то в окно и выскочил, да прытко так — по кусточкам...

— Про архив рассказываешь? — к магазину подошел еще один покупатель — пенсионер Галиев, пожилой, в широких светлых брюках и вышитой летней рубаше. — Тетради по копейке есть?

— Да найдутся, чай. Про архив-то слышал?

— Слыхал. Воровать-то там особенно нечего, так сказали — радиоточку и чайник забрали. Вот ведь, крохоборы чертовы!

— Значит, не мальчишки, — отворив дверь, убежденно промолвила продавщица. — Значит — алкашня. Готов, да Дебелый, да Ванька Кушак. Они вон на площади или у «Зари» завсегда пасутся, на винище сшибают. Как раз молдавское вчера привезли, белое — «Альб де десерт»...

После ухода сестры Максим деятельно позанимался, заодно наколот на вечер дров — мать как раз стирать собиралась. Еще хотел поправить забор, там доска одна отходила: мало ли чья собака на огород забежит, лук да укроп уже вылезать начинают — потопчет! Конечно, большие, как раньше, огороды нынче держать не разрешалось, но маленькие участки у всех остались. Озерск ведь считай что и не город вовсе — деревня. А как в деревне без своего огородика?

Подойдя к забору, он озадаченно присвистнул: оказались выломанными две доски! Именно выломаны — кто-то оторвал их вместе с гвоздями. Наверное, ребята соседские, только непонятно — зачем? На огороде еще ничего не выросло, а друг у друга воровать как-то не по-соседски да и не принято, все жили одинаково бедно.

Зачем тогда доски отрывать? Хулиганили или собаку свою ловили. А вообще могли путь спрямить — по чужому участку, скажем, к клубу пройти. Да, так, наверное, оно и было.

А, на велосипеде кто-то пробирался. Или на мопеде, шины-то толстые! Катил. Ну, тогда вообще — жлоб! Вполне мог бы и объехать.

Быстро приколотив доски обратно, Макс понес молоток в сарай. Тут его и окликнули с улицы. Давешний участковый и с ним еще какой-то незнакомый парень в сером костюме, здоровый такой, с круглым лицом и короткой — ежиком — стрижкой.

— Старший лейтенант Ревякин, уголовный розыск, — здоровяк вытащил красную книжечку — удостоверение.

— Мать дома? — тут же справился участковый.

— Так на работе ж.

— А на обед когда придет?

— Скоро. Вот-вот уже и должна.

— Так... Игорь! — мордатый обернулся к участковому: — Ты пока понятых организуй, а я здесь...

Тут и мать как раз на обед явилась. И наступил полный позор!

И в доме, и в сарае, и во дворе сотрудники милиции произвели самый настоящий обыск! Даже постановление показали: какой-то районный следователь возбудил уго-

ловное дело по факту тайного хищения государственного имущества путем проникновения.

— Вы хотите сказать, что мой сын — вор? — занервничала мать.

— Успокойтесь, Вера Ивановна, — участковый махнул рукой. — Никто его ни в чем не обвиняет. По крайней мере пока.

Хорошо, сестра Катя из школы поздно вернулась — как раз к самому концу. Ужаснулась, едва не заплакала! Еще бы, когда тут такое!

Главное, и понятые-то — соседи! Господи, вот позор-то, позор...

Сам Максим просто одеревенел, почти не воспринимая происходящее. Это они все всерьез, что ли?

— Внимание, понятые! — Здоровяк вытащил чемодан, распахнул крышку: — Обратите внимание — радиодетали... А вот и фотоаппараты — «Любитель» и «Смена». О! Да тут и инвентарный номер имеется. Ну, Максим, откуда дровишки, фотоаппараты сиречь?

— А еще интересно — «Спидола» где? — вставил свой вопрос участковый Дорожкин.

«Спидола» нашлась к вечеру. Нет, не в доме, не во дворе и не в сарае Мезенцовых, и даже не где-то рядом, а...

...а в Доме пионеров, где ей и положено было быть. Сам заведующий приемник и нашел, Говоров Аркадий Ильич! Нашел — и тут же побежал с находкой в милицию. А там один дежурный, он его к Мезенцевым и послал.

— Понимаете, у меня кружководы в отпусках, вот я и заглядываю везде... — прижимая к груди «Спидолу», объяснял Аркадий Ильич. — Тут вот в методкабинет заглянул зачем-то... Ну, типа красного уголка у нас, мы там обычно совещания проводим. Гляжу — вот она, «Спидола»! Стоит

себе на подоконнике за шторой. Извините уж, сразу-то не заметил.

— Не заметил, — мордатый оперативник с укоризной покачал головой. — А фотоаппараты, я так понимаю, на балансе у вас не стоят?

— Да уж три года как списаны. Выкинуть бы их давно или отдать кому — да все как-то некогда.

Уголовное дело, впопыхах возбужденное по факту кражи, дальнейшим производством, естественно, прекратили. Прокурор не глядя подписал — материального ущерба-то нету! А на «нет» и суда нет.

Правда, Максиму Мезенцеву это дело аукнулось: кроме позора на весь городок еще и на учет поставили к участковому. Как лицо, склонное к...

Мать, правда, сына вором не считала.

— Подбросил кто-то. Так и запишите, товарищ младший лейтенант. Да и на учет — это уж больно строго.

— Через полгода снимем, — успокоил Дорожкин, почему-то уже больше не казавшийся Кате таким уж симпатичным. — Если ничего больше такого не совершит. А пока — пусть сдает экзамены. И, как говорится, ни пуха ни пера.

Вечером все того же наполненного многочисленными недобрыми событиями дня Катя за ужином сообщила между прочим, что по пути из школы видела какого-то незнакомца, явно городского, нездешнего.

— В костюме светлом, рубаха белая, при галстучке, как стилиста какой! А сам немолодой уже, с бородкой. Веселый такой, все с улыбкою. Меня про Потаповых, соседушек наших, спрашивал. Мол, не сдают ли комнату? Я сказала, что не знаю. А сейчас вот Нюшку Потапову встретила, та

за коровой пошла, говорит, городской-то у них поселился, комнату в летней пристройке снял — сговорились. Вечером на беседу звала Нюшка-то... Вера Ивановна, говорит, пусть приходит.

— Ага, — Вера Ивановна скорбно поджала губы. — Мне сейчас только по чужим домам и ходить!

— А я бы на твоём месте пошел! — поднял глаза Максим. — Чтобы знали...

Что — знали, он не уточнил. И так было ясно.

Веру Ивановну — стройную, еще не утратившую обаяния и красоты женщину сорока двух лет — соседи любили за легкость в общении и надежный характер: сказала — сделала. Еще и сплетни никогда не разводит. Потому и звали — и в гости, и просто так, «на беседу», послушать о городской жизни.

— Конечно, иди, мама! — поддержала брата Катя. — А то еще подумают черт-те что. Тем более звали же!

— Звали...

На беседу Вера Ивановна все-таки пошла — дети уговорили. Вернулась поздно и — видно было — довольная. Никто ей на сына не пенял, да и дачник оказался на высоте. Правда, несколько задержался на озере, на рыбалке, зато очень интересно рассказывал о Ленинграде и еще расспрашивал про Озерск, про рыбные места, про дороги... Мол, насчет мотоцикла он у хозяев сговорился, от автобусов теперь не зависит. У Потаповых и впрямь был мотоцикл, да не какой-нибудь, а немецкий! Серый трофейный БМВ с коляской.

— К нему обычно еще пулемет прилагался, — шутил постоялец. Звали его Михаил Петрович Мельников. Интеллигентный человек, инженер. И немного — ботаник. Так, для души.

* * *

Колхозный грузовик ГАЗ-51 с самодельным фургоном-будкой деловито пылил по грунтовке со скоростью пятьдесят километров в час. Дорога шла лесом, густой непролазною чащей, огибая многочисленные урочища и болота. Деревень по пути попадалось мало, больше лесные поворотки с синими указателями: «Лаврики — 2 км», «Верховье — 1 км», «Новинка — 4 км»...

— У меня в Новинке золотка, — перекладывая на повороте руль, зачем-то похвастался шофер — пожилой вислоусый дядька в черной спецовке и кепке. — А мужик ейный — на заводе, в Тянке. Вот он мне эту робу и справил.

— Хорошая роба, Евсеич, — согласно покивала сидевшая рядом женщина лет тридцати, с узеньким хитроватым лицом и завитой на бигуди прической, покрытой невесомой газовой косынкой. Длинная серая юбка, жакет, желтоватая блузка — экая модница!

Это и водитель заметил:

— Моднявая ты девка, Галя!

— А то! — женщина поджала губы и справилась, как скоро они будут в городе.

— Так часа полтора — и там!

— В парикмахерскую не успею, да универмаг закроется, эх... Зря, выходит, съездим! Припозднились. И понес же черт в эту Койволу!

— Не черт, а председатель! — Евсеич наставительно поднял вверх указательный палец. — Мне тоже, знаешь, не велик праздник туда-сюда кататься. Однако ж у тебя, Галина, свое начальство, у меня — свое. Сказали — сначала в Койволу, значит — в Койволу. Не зря ведь и ездили — запчасти к трансформаторной будке везли. А то вся деревня без

света — смекай! Да и аванс надо было завезти. Выходной скоро. Как людям без денег?

— Да на кой им там, в Койволе, деньги-то? Там и магазинов-то нормальных нет, одно сельпо.

— Были бы деньги! А уж куда тратить — найдут. Ну припозднились, и что ж...

— Да уж, — вздохнула Галя. — Хотелось бы и в парикмахерскую, и в универмаг... Говорят, там креп-жоржет недавно выбрасывали, эх...

— Да чего уж теперь, — шофер покачал головой. — Лишь бы архив твой открыли.

— Откроют, куда денутся. Там ждать нас будут, начальство звонило уже.

— Да-а... — Евсеич достал папиросы и спички, прикурил, неспешно выпустил дым в окно. — Вот ведь... укрупнили район. Где теперь все конторские работать будут? Военкомат, газеты, опять же — архив?

— Да уж, архивариусы теперь только в Тянке нужны, — задумчиво протянула Галина. — Звали уже, предлагали комнату в бараке. А оно мне надо? У меня же муж, дочка... Дом свой да какой-никакой огородик.

— И что делать будешь?

— Ничего. Говорят, в леспромхозе делопроизводитель нужен. Вот завтра и загляну.

— Осторожней, сейчас пыли-то поглощаем! — предупредил шофер. — Чертова балка, ага...

Сбавив скорость, грузовик, переваливаясь на ухабах, покатил под гору, осторожно пересек мост через неглубокий овраг с журчащим на дне ручьем и снова перевалил через колдобины.

— Ничего! Скоро на шоссе выедем — повеселей покажем.

Евсеич улыбнулся. Скрипнула зубами Галина.

И тут вдруг раздалась очередь! Настоящая автоматная очередь! Или пулеметная... Как в кино про войну!

Ни архивариус, ни водитель поначалу ничего не поняли. Только в капоте вдруг появились дырки, да из пробитого радиатора повалил густой пар. Заскрипев, грузовик резко остановился.

— Бежим, Галя, — первым сообразил шофер. — Давай живенько, через твою дверь. Пригнись! Шибче, шибче...

Высочив из кабины, Евсеич с Галиной нырнули в кювет, а выбравшись из него, скрылись в лесу.

Навалилось над самой чашей низкое белесое небо. В здешних местах нынче темнело поздно. Белые ночи, мать их растак...

— Давай, давай, милая! Лес большой — не поймают, спрячемся.

— Ох, Евсеич, туфли жмут, не могу!

— Да скинь ты их! Жизнь дороже...

* * *

Наутро весь городок всколыхнула жуткая новость — вечером по дороге в новый райцентр ограблена колхозная машина. Едва не убили водителя и женщину-архивариуса — бедолаги спаслись в лесу, а под утро на попутке добрались до Озерска. Что нужно было бандитам — ясно. Деньги! Как раз конец месяца — на этой машине обычно возили получку и аванс.

Так аванс и нынче везли... Только в Койволу.

Местное отделение милиции, конечно, уже было на ногах. Участковый, опер, вся дежурка, техник-криминалист, сам начальник, майор Иван Дормидонтович Верховцев, и тот явился, наплевав на отгул. Что ж, дело такое.

Уже завелся темно-синий милицейский газик с тентовым верхом.

— Едем, — хлопнув дверцей, распорядился майор.

— Иван Дормидонтович, автоматы брать?

В отделении числились три автомата: два АК-47 и один оставшийся еще с войны ППШ. В оружейке, в несгораемом шкафу, хранились. Так, на всякий случай. Теперь, похоже, такой случай настал.

— Автоматы? — начальник, крупный седоватый мужчина с короткой стрижкой, чем-то похожий на колхозного бугая, задумчиво побарабанил по дверце. — Думаю, ловить-то там уже некого. Но на всякий случай возьмем. Быстрее только... Африканыч, ты чемоданчик свой не забудь. А то как в прошлый раз выйдет — явился на место происшествия с одним фотоаппаратом. Фотограф, едрена мать!

Все посмеялись. Молодец начальник — разрядил обстановку.

Техник-криминалист Матвей Африканыч Теркин был родом из дальних староверских деревень, потому и отчество такое необычное. Из староверов, а пил как лошадь! Ну, так при Советской-то власти никаких староверов нет. При Советской власти все — атеисты! Так что можно и выпить, чего уж там...

— Ох, Африканыч... — как только техник-криминалист забрался в машину, майор потянул носом воздух и скривился: — Опять?

— Ну, выпил немножко... — Теркин не шибко-то боялся начальства, однако же уважал. — У деверя именины, нельзя, что ли?

— У тебя вечно: то именины, то крестины, то еще черт знает что... Дорожкин! Что там с автоматами? Получили?

— Уже, Иван Дормидонтович.

— Так шевелитесь!

— Ага.

— Так, едем! Эх, и попадет нам нынче от начальства.

Скажут — банду тут развели.

Водитель, молодой сержант из недавно демобилизованных, врубил передачу, и милицейский ГАЗ-67, именуемый ласково «козлик» или просто — «козел», ходко покатил по Советской улице.

— Надо бы военных привлечь, — высказал идею Дорожкин. — Лес бы прочесали.

— Ага, прочесали бы! — майор невесело хохотнул. — Тут до самой Вологды можно чесать. Или до Белого моря. Хотя... да, военным сообщить надо. И в КГБ. Пуцай и они займутся. Автоматы, ага... Евсеич, так, говоришь, пули прямо над головой свистели?

— Так говорю же — едва ушли!

Шофер-свидетель был прихвачен с собой. Чтобы на месте все показал. С колхозным его начальством договорились. Еще из Тянска должен был подъехать следователь, дело-то серьезное.

Да уж, нападение на машину — это вам не Дом пионеров! Пусть и не взяли ничего — не было денег, но автомат! Правда, в лесах такого добра с войны — навалом. Неоднократно уже находили, особенно пацаны.

На месте происшествия, у Чертовой балки, прямо на мосточке, неподалеку от застрявшего в кювете грузовика, сидел как-то городской пижон в черных солнцезащитных очках и курил сигарету. Еще довольно молодой — чуть за тридцать — высокий, худощавый, спортивный, с красивым лицом и стрижкой под полубокс, мужичина был одет в кремовый однобортный пиджак и синие, слегка зауженные